

Секретная трубка товарища Сталина

Уборщицы, наводившие порядок в кабинете вождя, были проверены до седьмого колена. А, может, и до Адама с Евой, в которых, по причине членства в партии, не верили.

И высокий не улыбкающий капитан, стоявший каждый раз в дверях, и следивший за уборкой, тоже был проверен всеми органами государства.

Вот только подчинялся он непосредственно начальнику личной охраны Власику. И кому-то другому надавить на него, или приказать – да хоть попросить! – не было никакой возможности.

Конечно, капитана можно было просто арестовать. Таких случаев было сколько угодно – враги не дремали и отчаянно старались найти лазейку, чтобы подобраться как можно ближе к Самому. Но ведь на его место тут же заступал другой капитан, еще более бдительный, еще более проверенный – скамейка запасных капитанов была поистине бесконечной.

Рабочий кабинет вождя первого в мире социалистического государства состоял из трех комнат. В самой большой за огромным столом проходили заседания. В той, что поменьше, находилась библиотека, письменный стол с настольной лампой и телефоном. Со стены по-доброму щурился Владимир Ильич Ленин. В третью комнату, где товарищ Сталин отдыхал, не пускали даже уборщицу. Другой уровень допуска.

Когда Сталин работал, в приемной обыкновенно сидел его секретарь товарищ Поскребышев. Если совещание – приглашенные не толпились в ожидании начала, а тихо сидели на высоких стульях, расставленных вдоль стены, и старательно формулировали свои ответы на возможные вопросы. Сопровождавшие приглашенных помощники, советники и ординарцы не допускались даже сюда, так и толпились в коридоре, ожидая свое начальство.

А глубоко за полночь, когда Хозяин все-таки уезжал, в приемную бесшумно заходили офицеры охраны, пропускали в кабинет уборщицу и, не мигая, следили за каждым ее жестом. Особенно капитан. Потому что мебель подравнять по невидимой линии, поправить шторы, протереть полы – это доверяют не каждому. А трогать предметы, по какой-либо причине не убранные со стола, вообще никому не доверяют. Особенно капитан.

Заветной мечтой капитана было заполучить одну из трубок Сталина. Недостижимая, надо сказать, мечта. Вон они, лежат на столе – черная и коричневая. Вождь пользовался ими по очереди, следуя то ли капризам, то ли традициям. Разламывал папиросу "Герцеговина Флор", высыпал в жерло трубки ароматный табак и пользовался.

Капитан, не мигая, стоял у двери, наблюдал за уборщицей и жадно вдыхал еле уловимый запах истлевших медленным огнем табачных листьев. Собственно, папиросы можно было свободно купить в кремлевском буфете. И трубки в Москве продавались даже сейчас – на "блошином" рынке высохшие от недоедания постаревшие бывшие интеллигенты были готовы расстаться с настоящими раритетами времен проклятого царизма.

Капитан глядел на заветные трубки и трезво думал, что мечта так и останется мечтой. В самом деле, ведь не обратишься к Хозяину: "Товарищ Сталин, подарите трубку! Всю жизнь мечтаю!". Свои же скрутят.

И украсть нельзя, потому что коммунисты не воруют. Особенно у товарища Сталина. Тут не скрутят – тут сразу шлепнут. И все та же уборщица без возражений замочит кровавое пятно, так что любимый вождь ничего не заметит.

Уборщица вытерла пыль, которой не было здесь никогда, на большом столе и подошла к маленькому – с трубками. Капитан невольно напрягся. А вдруг она своей тряпкой сейчас возьмет, да и смахнет одну на пол! И капитан бросится через весь кабинет, грудью ляжет на паркет, и спасет... хоть разок в руках подержит...

В приемной раздались тихие шаркающие шаги. Капитан недовольно оглянулся и оторопел. Товарищ Сталин! А следом – маршалы, генералы, полковники...

- Не нужно пока убирать, - негромко сказал Сталин, заходя в кабинет. - Сделайте перерыв, хорошо? Мы тут немного посовещаемся. Потом продолжите.

Капитан подхватил левой рукой ведро, правой уборщицу и аккуратно вышел из кабинета между встречными Жуковым и Шапошниковым. Уж извините, не до субординации, когда Сам приказал...

Словно из теней соткался и сел на свое привычное место Поскребышев. Уткнулся в бумаги, будто со вчерашнего дня никуда не уходил.

За дверями в коридоре еле слышно переговаривались адъютанты и ординарцы военачальников. Что-то стряслось – подумал капитан, таща за собой уборщицу, упорно пытавшуюся стереть с панелей невидимую пыль.

Они вышли в коридор. Тихий гул голосов тут же прекратился. Чужой я для них – зло подумал капитан. Ишь, как смотрят, будто и нет меня рядом. Да и х...

Он широко зашагал по коридору прочь в сторону подсобных помещений, чувствуя спиной презрительные взгляды таких же, как и он, капитанов.

А адъютанты и ординарцы снова зашептались. И сбился с шага капитан, услышав краем уха:

- Вот и мой сказал, что Сам вчера опять с трубкой разговаривал...

- Ну да. А потом приказал снять две дивизии с...

Уборщица рванулась в сторону, заметив какое-то пятнышко. Ведро звякнуло, конец фразы растворился в шуме.

Но и без того капитан понял – измена. Доложить, срочно!

Нет, сначала – выполнить поставленную задачу. Уборка кабинета, контроль за этой бывшей комсомолкой, наверняка докладывающей о нем и Берии, и Абакумову. Уйти сейчас – и уже к утру в самом лучшем случае окажешься на самой далекой комсомольской стройке, и не факт, что с внешней стороны колючей проволоки.

Кроме того, определить говоривших он не сумел. Значит, придется снова напрягать слух, чтобы наверняка выявить изменников, усомнившихся в душевном здоровье товарища Сталина. Осталось избавиться от уборщицы.

Капитан втолкнул женщину в подсобное помещение, где уже находилось несколько других уборщиц, ожидавших окончания этого внезапного полуночного заседания. Здесь же курили двое сослуживцев.

- Веник забыла,- испуганно пробормотала "его" уборщица.

Отлично.

- Будь здесь. Сам схожу,- ответил капитан и вышел обратно в коридор.

Это для непосвященных Кремль – парадные лестницы, широкие коридоры и просторные залы для заседаний. Капитан же открыл неприметную дверь и заскользил по сияющему паркету проходных комнат, растворяясь в сумраке дежурного освещения. Если что – проверял, закрыты ли в помещениях окна. Да, это логично и не вызовет лишних вопросов.

Чтобы поймать диверсанта, нужно уметь делать все, что умеет диверсант, только лучше. Капитан верил, что может поймать любого диверсанта. На практических занятиях инструкторы часто ставили его в пример.

Едва заметной тенью он передвигался по анфиладе пустых залов так, что любой диверсант умер бы от зависти.

Нужная дверь не была закрыта на ключ. Он не стал ее открывать, просто припал ухом к замочной скважине и прислушался.

Адъютанты и ординарцы продолжали тихо переговариваться. То один голос выделялся из общего гула, то другой. Говорили о положении на западной границе, о том, что какой-то Козлов слишком много на себя берет, о вчерашнем ужине в Метрополе, о Севастополе и Ленинграде. И ничего о Хозяине.

Пару раз выходил Поскребышев, называл фамилию одного из генералов. Тогда среди адъютантов возникала скоротекущая сумятица, из портфелей доставались нужные бумаги, передавались и возвращались, если нужда в них проходила.

Капитан с разочарованием понял, что погорячился. Ну, услышит он голос, и что? Все равно в лицо не узнает.

Время то летело, то застывало на месте. Заседание закончилось. Сначала по толстым коврам затопали полковники и генералы. Потом неспешно вышли маршалы. А потом...

- Когда он берет в руки эту трубку, я дышать перестаю,- неожиданно сказал кто-то прямо за дверью.

- А ты заметил, насколько точны его сведения? Разведуправление не всегда такие добывает. Я специально проверял – все сходится.

- Ну, иногда действительно прогноз сбывается с поразительной точностью, согласен. День в день, минута в минуту.

- А как с картами работает? Погрешность координат зависит лишь от толщины карандашного грифеля.

- Хорошо, что она появилась. Хоть прислушиваться стал к нашим словам. Мы ведь с тобой во время финской кампании в два голоса пытались доказать, что лобовые атаки дела не решат. Только людей поморозим. А он доверился Тимошенко, дескать, лихой кавалерийский наскок решит конфликт в два счета. Помнишь – "Разве финны умеют воевать?" Если бы у него уже тогда была эта трубка...

- Да, трубка за одну минуту убедила. Ты сейчас куда?

- На аэродром. Лечу в Ленинград, к Жданову. Так что ты остаешься здесь один.

- Разведка уже добрый десяток раз сообщила...

- Знаю. Ох, совсем этот десяток не добрый. А он что? Я, говорит, не шарлатан, в будущее заглядывать не собираюсь. В пакт верит. Как бы уговорить его хоть на сутки вперед получать информацию?

- Вся надежда на трубку...

Беседовавшие удалились. Голоса затихли.

Капитан медленно распрямил занемевшую от неудобной позы спину. Он узнал собеседников. Маршал Жуков и маршал Шапошников. Этих в измене подозревать глупо. Значит, товарищ Сталин действительно разговаривает с трубкой. Интересно, с какой из двух? Черной? Коричневой? Курит ли он ее во время разговора?

- Спокойно,- сказал сам себе капитан.- Спокойно. Вот зачем тебе это знать? Может быть, это страшная государственная тайна? Раз никто не знает. Только верховное главнокомандование. И еще я теперь. Вот дурак! Забыть, выкинуть из памяти! Тебе что доверили? Порядок в кабинете поддерживать. Веник! Я же за веником шел, вообще-то...

Он осторожно открыл дверь, выглянул. В коридоре никого не было. Дверь в приемную Хозяина была приоткрыта.

Капитан перевел дыхание и решительно вошел в приемную. Сидевший на своем обычном месте Поскребышев поднял на него ничего не выразивший взгляд. Два офицера из личной охраны вождя тоже посмотрели в его сторону, но даже не попытались подняться с диванчика. Хотя, чему, собственно, удивляться? Из одного подразделения, как-никак, сколько пота вместе пролито на занятиях... свои.

- Веник,- глухо сказал капитан, сам поразившись, насколько глупо это прозвучало. И вошел в кабинет.

В воздухе висела сизая завеса, пахнувшая "Герцеговиной". Нарушая симметрию, вокруг длинного стола стояли отодвинутые стулья. На отдельном столике в углу находилась полная свежего пепла малахитовая пепельница. Рядом лежали две трубки, черная и коричневая. И еще какая-то прямоугольная штуковина, не похожая абсолютно ни на что – необычного алого цвета, странной формы, с огромным количеством маленьких белых кнопок на внутренней стороне. Размером с портсигар. Половину стороны занимало стекло с нарисованными на нем часами. И надписью на иностранном языке.

Капитан практически в совершенстве знал немецкий, так что латинские буквы его нисколько не смутили. Вот только слово переводиться отказалось наотрез.

А еще через секунду он ахнул от изумления: на нарисованных часах двигалась нарисованная секундная стрелка! И время было в точности такое же, что показывали большие настенные часы.

Капитан растерянно заморгал, оглянулся в непритворном испуге. Нет, конечно, он слышал о многочисленных секретных лабораториях, в которых ученые трудились над техническими новинками. Но увидеть воочию результат этого труда...

Инстинкт самосохранения приказывал немедленно покинуть кабинет. Да что там – приказывал. Умолял, падал на колени, истово голосил! Но любопытство оказалось сильнее.

Капитан медленно приблизился к столу и склонился над неизвестным прибором. Впервые заветные вожаденные курительные трубки не вызывали ни малейшего интереса, хотя вот они – протяни руку и коснись любой.

Он даже встал на колени. Прибор оказался на одном уровне с глазами. Толщиной в четверть спичечного коробка. Два отверстия – круглое и продолговатое. Никаких ассоциаций. А вот белые кнопки с цифрами и буквами смутно показались знакомыми. Он пригляделся – точно! Полные алфавиты, русский и латинский, только почему-то по несколько букв на кнопку. И числовой ряд от одного до нуля. И еще – несколько отдельных кнопок, а на одной символ, понятный любому современному человеку: телефонная трубка зеленого цвета.

Догадка пришла, как озарение: так вот с какой трубкой разговаривает Хозяин! Только где у нее провод? Как она работает? К чему подключена? И с кем по ней разговаривает товарищ Сталин?

Любопытство шагнуло за край самосохранения, и капитан протянул руку. Секретная трубка легко уместилась в мокрой от пота ладони.

Верх-низ определился по часам. Цифра "двенадцать" была там, где положено, сверху. Черные нарисованные, казалось бы, стрелки действительно передвигались. Капитан заметил перемещение не только секундной, но и минутной. Да уж, умеют наши ученые... или не наши?

Когда прибор в руке зажужжал и начал вибрировать, он с испуга отбросил его в сторону. Трубка с грохотом упала на крышку стола, проехала по ней и соскользнула на пол.

Капитан почувствовал, что сердце под гимнастеркой сейчас разорвет грудную клетку и выскочит наружу.

А еще он услышал, как в дальней комнате скрипнул диванчик.

Он затравленно огляделся. Веник уборщицы! Возле двери – он же пришел за ним!

Схватив уборочный инвентарь, капитан едва выровнял дыхание, открыл дверь и едва не строевым шагом прошел через приемную. Товарищ Поскребышев проводил его взглядом и снова углубился в бумаги.

С каждым шагом капитан уходил все дальше от страшной тайны. С каждым шагом дышалось все легче и легче.

- Ничего не видел,- повторял он про себя.- Взял веник и вышел. Почему не сразу? Искал веник. Нашел – и сразу вышел. Сразу вышел. Вот так...

Товарищ Сталин долго раздумывал, но все-таки решил ехать на дачу в Кунцево. Уж больно день выдался хлопотливый. Можно даже сказать – бесконечный. У всех граждан Советского Союза – выходной. И только у него, отвечающего за всех этих граждан, выходных дней не бывает в принципе. Некогда отдыхать, товарищи. Международная обстановка вон какая тревожная. И военные в один голос твердят – нехорошо у нас на западной границе. А что скажет трубка?

Иосиф Виссарионович поднялся с диванчика и вышел в большую комнату. Странно, на столе трубки не было. Может, он ее взял с собой в комнату отдыха? И там ее нет. Очень странно...

Необычная телефонная трубка появилась около года назад. Странную коробочку с ней и зарядным устройством обнаружил на закрытом сухумском пляже один из охранников. Сначала думали, что это такой изощренный способ нанести вред товарищу Сталину. Даже хотели уничтожить. Потом, после всестороннего изучения в секретной лаборатории НКВД, все-таки показали тому, чья фамилия печатными буквами была написана на вложенной в коробку инструкции: "Товарищ Сталин, с помощью данного аппарата вы сможете получать самые точные и правдивые сведения о событиях, которые ожидают страну в будущем. С нетерпением ждем вашего звонка. Пионеры из будущего".

Товарищ Сталин не слишком верил в возможность предсказания будущего. Но из любопытства позвонил.

Результат превысил все ожидания. Детский голос, путавшийся в падежах и воинских званиях, предельно точно рассказывал об урожае яровых, о присоединении Прибалтики и о многих других событиях, которыми был богат тысяча девятьсот сороковой год. И многие события еще не произошли. Например, обещанная война с Германией...

Сталин сделал шаг, другой. Под подошвой правой туфли что-то громко хрустнуло.

Вождь убрал ногу, посмотрел, чертыхнулся. Вот незадача...

Он поднял аппарат, взглянул на экран. Часы превратились в бесформенную черную кляксу. Непонятно, совсем испортилась трубка, или звонить еще можно? Ладно, решил Сталин, завтра попробую.

Он положил искалеченную трубку на стол и пошел к выходу.

Черное пятно почти полностью закрыло экран телефона. Только в самом низу остались цифры, дублировавшие время. Они продолжали отсчитывать: два часа, семнадцать минут, сорок секунд, двадцать второе июня, тысяча девятьсот сорок первого года.